

В. А. НАРДОВА, В. Г. ЧЕРНУХА, А. Н. ЦАМУТАЛИ

РУССКАЯ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ XIX В. В ОСВЕЩЕНИИ СОВРЕМЕННОЙ АМЕРИКАНСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

В современной американской историографии много внимания уделяется политической истории России XIX в. Показательно, что на XIII Международном конгрессе историков в Москве в 1970 г. единственным докладом, сделанным зарубежным ученым по истории СССР XIX в., был доклад американского историка Р. Пайпса «Русский консерватизм во второй половине XIX в.».¹ Основные положения доклада Р. Пайпса подверглись критике со стороны советских историков и ряда иностранных делегатов конгресса. Убедительные аргументы оппонентов заставили Р. Пайпса в заключительном слове признать справедливость сделанных критических замечаний.² В настоящей статье мы обращаемся к докладу Р. Пайпса вновь, поскольку в нем прослеживается ряд тенденций, характерных не только для этого историка, но и для других американских авторов, занимающихся проблемами политической истории России XIX в. В этом можно убедиться, обратившись к вышедшим в последнее время в США сочинениям. Несмотря на то что написанные на интересующую нас тему работы американских авторов различаются по жанру, по отдельным оценкам, иногда по манере письма, им свойственны общие черты. Это выражается прежде всего в тематике новейшей аме-

¹ Пайпс Р. Русский консерватизм во второй половине XIX в. — XIII Международный конгресс исторических наук. М., 1970.

² С критикой доклада Р. Пайпса выступили советские историки А. Я. Аврех, В. С. Вергипский, А. М. Станиславская, В. А. Твардовская, И. А. Федосов. К доводам о несостоятельности схемы Р. Пайпса присоединился и английский историк Е. Ламперт (см.: Пашуто В. Т., Поляков Ю. А. Вопросы истории СССР на XIII Международном конгрессе историков. — История СССР, 1971, № 1, с. 12).

риканской исторической литературы, в которой преимущественное в области политической истории России внимание уделяется русскому самодержавию в целом и отдельным самодержцам в частности, их взаимоотношениям с различными сословиями, в области общественной мысли — реакционному направлению русской общественно-политической мысли, идеологически обосновывавшему и охранявшему устои монархии. Общую тему развития реакционного направления дает Р. Пайпс в упомянутом выше докладе. Он делит историю русского консерватизма на несколько стадий. Р. Пайпс полагает, что поскольку в начале XVIII в. российская монархия не обладала достаточной силой для единовластного управления страной так, как это было во Франции при Бурбонах, ее вынудили разделить власть с дворянством: «Дворянство встает на защиту монархии от откровенно либеральных³ требований аристократии, а после решения разногласий заключает сделку с монархией. В обмен на получение реальной власти над жизнью более половины населения страны (частными крепостными) дворянство уступило монархии полную власть над второй его половиной и всю сферу высшей политики. Другими словами, дворянство уступило право участия в политической жизни для того, чтобы без помех эксплуатировать своих крестьян. Результат был несколько сродни диархии, получившей особенно яркое выражение при Екатерине Великой».⁴

Рассуждения Р. Пайпса о существовании дворянского консерватизма перекликаются со взглядами А. Мак-Коннела, автора популярно написанной книги о царствовании Александра I. А. Мак-Коннел пишет, что предложения членов Негласного комитета о предоставлении самоуправления дворянству не встречали у последнего поддержки, поскольку, «по всей вероятности, большинство дворян скорее стремилось не к расширению собственной власти, а к сохранению самодержавия». Нежелание и неспособность русского дворянства ограничить самодержавие имело, как считает А. Мак-Коннел, свои исторические корни. По его мнению, русские дворяне (в отличие от западноевропейских джентри, имевших традиции независимости, наследовавших свои титулы независимо от несения государственной службы) со времени Петра I «теряли звание дворянина, если отказывались служить, и не могли помешать стать дворянином каждому, кто дослужился до 8-го из 14 рангов, установленных Петром I для гражданских и военных чинов».⁵

Утверждая, подобно Р. Пайпсу, что дворянство выступило на защиту монархии «от откровенно либеральных требований аристократии», А. Мак-Коннел, обращаясь к истокам проблемы, дает

³ Под «либеральными» Пайпс имеет в виду олигархические требования аристократии.

⁴ Пайпс Р. Русский консерватизм... с. 2—3.

⁵ McConnell A. Tsar Alexander I. Paternalistic Reformer. N. Y., 1970, p. 32—33.

свое объяснение позиции, занятой при этом императрицей Анной Иоанновной. Он пишет, что после того как Анна Иоанновна, сначала согласившаяся на ограничение ее власти, а затем сообразившая, что средние и низшие слои дворянства боятся «12 олигархов» и «желают продолжения самодержавия», надорвала «кондиции», дворянство вплоть до 1825 г. не делало никакой попытки ограничить самодержавие.

А. Мак-Коннел отвергает точку зрения «традиционной историографии», согласно которой столетие, прошедшее с момента выдачи Петром III Жалованной грамоты дворянству в 1762 г. до отмены крепостного права в 1861 г., было «золотым веком дворянства». Он полагает, что Петр III не сделал никакой политической уступки дворянству, а только продемонстрировал способность самодержавия обойтись без поддержки дворянства и все более возрастающую тенденцию опираться на бюрократию, пополнив ее нижние слои выходцами из недворянских сословий. При этом Мак-Коннел утверждает, что в то же время дворянство пуждалось в сохранении самодержавия и продолжало находиться на государственной службе, хотя от него этого более не требовали.⁶ В дополнение к этому А. Мак-Коннел указывает еще на «глубокие национальные и патриотические причины» поддержки самодержавия: «Самодержавие охраняло и защищало Россию, изгнав монголов, поляков, шведов; монгольские победы и польская оккупация Москвы были возможны из-за отсутствия централизованной власти. Но самодержавие было не только защитником России; со времен Петра Великого оно являлось вестернизирующей силой, оно ускорило развитие промышленности и торговли, образования, модернизировало вооруженные силы и дало дворянству новый стиль жизни».⁷

Эту весьма упрощенную и схематичную характеристику, относящуюся к великокняжеской и царской России XIV—XVI вв., А. Мак-Коннел распространяет на русское самодержавие XVII—XVIII вв. К тому же он усматривает в этих чертах власти «глубоко национальные и патриотические причины» ее силы и крепости. Великокняжеская и царская власть как всякая государственная власть действительно обычно возглавляла борьбу против внешних врагов, например, против татаро-монгольского владычества и способствовала созданию единого Русского государства в XIV—начале XVI в. Что же касается начала XVII в., когда Россия избавилась от польско-шведской интервенции, то в этот период не самодержавие выступает в роли освободителя страны от польских и шведских оккупантов. На это обстоятельство со всей определенностью обращали внимание еще русские дореволюционные историки. С. Ф. Платонов видел «главное условие возникновения открытой смуты», важнейшей составной частью

⁶ Mc Connell A. Tsar Alexander I, p. 33, 34.

⁷ Ibid., p. 34.

которой было польское и шведское вмешательство в русские дела, «в совпадении государственного расстройств с расстройством династии».⁸ Избавление же от польской оккупации, создание правительства 1613 г., созыв земских соборов времени царя Михаила Федоровича были осуществлены, по мнению С. Ф. Платонова, «в конечном счете землевладельческим служилым и торгово-промышленным тягловым классами, составлявшими средние слои московского общества».⁹ С большой обстоятельностью рассмотрен этот вопрос советскими историками, убедительно показавшими, что не царская власть, фактически переставшая существовать в это время, а «руководители второго земского ополчения, опираясь на освободительное движение широких масс русского народа, сумели объединить и направить силы русских патриотов на активную и решительную борьбу против польско-литовских и шведских захватчиков»,¹⁰ что именно освобождение Москвы вторым ополчением явилось «поворотным моментом в истории интервенции начала XVII в.»¹¹

Не столь уж расходились в XVIII в., как представляется Р. Пайпсу и А. Мак-Коннеллу, интересы самодержавия и дворянства; к тому же дворянство в целом не было устранено от управления страной. Названные выше американские авторы явно преувеличивают разобщенность между поместным дворянством и бюрократией. Составлявшие ближайшее окружение Екатерины II вельможи, державшие в своих руках управление внутренними и внешними делами империи, были одновременно крупнейшими дворянами-землевладельцами, ревниво оберегавшими интересы своего сословия.

Несвойственна была самодержавию и политика «вестернизации» в той степени, в какой склонен считать А. Мак-Коннел. Это верно лишь в отношении Петра I, действительно стремившегося к сближению с Западом и особенно много сделавшего для оживления торговли и промышленности в России. Что же касается его преемников, то экономическое развитие страны шло помимо их воли и имевшимися достижениями отнюдь не было связано покровительству царской власти. Купечество, имевшее поддержку со стороны правительства при Петре I, во второй четверти XVIII в. встретило противодействие со стороны дворянства, пытавшегося ограничить усиление торгового класса. «Экономическая политика царского правительства второй половины XVIII в. отразила происходивший в России процесс развития капитали-

⁸ Платонов С. Ф. Очерки по истории Смуты в Московском государстве в XVI—XVII вв. Изд. 3. СПб., 1910, с. 179.

⁹ Там же, с. 181.

¹⁰ Очерки истории СССР. Период феодализма. Конец XV—начало XVII в. М., 1955, с. 592.

¹¹ История СССР с древнейших времен до наших дней. Т. II, М., 1966, с. 292.

стического уклада, но отразила его частично, непоследовательно, робко и неполно».¹²

Схематизм в трактовке политической роли дворянства определяет подход А. Мак-Коннела к оценке внутривластной и внешнеполитической деятельности Александра I. К тому же действия этого царя А. Мак-Коннел в значительной мере объясняет психологическими мотивами.

А. Мак-Коннел, казалось бы, преодолевает идеализацию Александра I. В этом его книга отличается от сочинений русских до-революционных историков охранительного направления, утверждавших, что в начале царствования Александру I было присуще искреннее стремление к реформаторской деятельности. Он отмечает, что Александр I, боявшийся участников заговора 11 марта 1801 г., постепенно сумел отстранить их от участия в государственных делах, и при этом подчеркивает, что «молодой царь, часто изображаемый таким слабым, действовал хладнокровно и быстро».¹³

А. Мак-Коннел, обращая внимание на «самодержавные инстинкты Александра, которые не были замечены его друзьями»,¹⁴ пишет, что «стремление Александра сохранить все свои самодержавные прерогативы, проявившееся уже на 4-м месяце его правления, оставалось сильным» и ко времени реформы Синода.¹⁵ А. Мак-Коннел считает, «что либеральные меры, которые он (Александр I) осуществил в это время (в первые годы царствования, — *Б. Н., В. Ч., А. Ц.*), не были добровольными, он боролся с любым посягательством на его власть».¹⁶ А. Мак-Коннел не соглашается с А. Ф. Ланжероном, который в своих воспоминаниях, противопоставляя пышности и аморальности екатерининского двора простоту александровского, приходит к мысли, что между Екатериной II и Александром I (Россией 1790 г. и 1824 г.) лежит «дистанция в три сотни лет». А. Мак-Коннел напоминает о том, что при Александре I возникли военные поселения, процветал мракобес и мистик Фотий, проявлялось раболепие перед Австрией, царил страх перед революцией за границей, предпринимались попытки управлять Европой вместо того, чтобы выступить против Турции. Оспаривает А. Мак-Коннел и утверждение Ланжерона, будто бы русское общество «шло в ногу с современностью». Он обращает внимание на то, что существовала великая проблема, состоявшая в том, что русское общество, за исключением немногочисленной правящей элиты, переживало застой.¹⁷ По мнению А. Мак-Коннела, со времени европеизации, на-

¹² Очерки истории СССР. Период феодализма. Россия во второй половине XVIII в. М., 1956, с. 113—114.

¹³ McConnel A. Tsar Alexander I, p. 28.

¹⁴ Ibid., p. 31.

¹⁵ Ibid., p. 76.

¹⁶ Ibid., p. VI.

¹⁷ Ibid., p. 187—188.

чатой Петром Великим, «все более увеличивался разрыв между образованными кругами и массами, которые продолжали следовать многим средневековым обычаям».¹⁸

Вместе с тем А. Мак-Коппел считает, что историки, по-разному отгосившиеся к Александру I, так и не сумели «понять преданность Александра России и идеализма, лежавшего в основе его самодержавных методов правления и дипломатии». В представлении А. Мак-Коппела, Александром I, несшим на себе печать причастности к убийству отца, руководила «необходимость искупить свою вину служением своему народу». Эта необходимость «была достаточно сильной, чтобы преодолеть его отвращение к тропу», в силу чего он «не колебался пожертвовать своим собственным престижем, когда интересы нации диктовали ненавистную ему политику — союз с Наполеоном, которого он считал Антихристом».¹⁹ Этот мопарх, стремившийся, по мпению А. Мак-Коппела, послужить своему народу, метался в поисках наилучшего для России пути. Вместе с тем его колебания, как полагает американский историк, определялись не столько интересами страны, сколько его собственными чувствами и настроениями. «Александр, — пишет А. Мак-Коппел, — в течение всей своей жизни разрывался между надеждами на реформу и страхом революции»,²⁰ причем действия этого «мечущегося» государя, движимого желанием послужить России, автор объясняет по-своему. Обстоятельно изложив историю проектов М. М. Сперанского, А. Мак-Коппел замечает, что проведение в жизнь предложенной М. М. Сперанским реформы центрального управления явилось бы «началом процесса вовлечения в управление образованной верхушки русского общества, как дворян, так и недворян, то есть тысяч людей во всей империи. Несомненно, это принесло бы пользу нации, и дальнейшее расширение участия в управлении было бы просто вопросом времени. Таким образом была бы предотвращена безнадежность, которая в декабре 1825 г. кинула в бессмысленный мятеж против самодержавия и крепостничества цвет молодежи империи (декабристы). Возможно, это предотвратило бы 1881, 1905 и 1917 гг., освобождение крестьян в 1861 г. было бы осуществлено гораздо раньше».²¹ Итак, А. Мак-Коппел убежден, что осуществление намеченных М. М. Сперанским реформ спасло бы Россию от революционных бурь, направило бы ее на путь буржуазного развития. Поэтому он сожалеет, что Александр I оттолкнул от себя М. М. Сперанского, предлагавшего план, способный спасти правящие классы России от неизбежного крушения в будущем. Одновременно он пытается объяснить этот шаг Александра I. В его трактовке Александр I «отверг выда-

¹⁸ Ibid., p. 188.

¹⁹ Ibid., p. VI.

²⁰ Ibid., p. 149.

²¹ Ibid., p. 75.

ющийся проект» из опасения «рисковать на основе одной только теории». ²² При этом имеется в виду нежелание рисковать судьбой России. А. Мак-Коннел полагает, что Александр I видел в устранении М. М. Сперанского жертву, которую требовали интересы государства накануне надвигавшейся войны с Наполеоном I. ²³

Поворот Александра I в начале 20-х гг. XIX в. в сторону крайней реакции, «к абсолютизму, соединенному с мракобесием», по словам самого А. Мак-Коннела, происходит по окончании его одиннадцатимесячного пребывания за границей, сразу же после ознакомления с отчетом, написанным генералом Васильчиковым. Отчет Васильчикова, сообщавший о движении против существующего порядка и представлявший это движение «гораздо более широким и зловещим, чем сравнительно незначительный инцидент в Семеновском полку», по мнению А. Мак-Коннела, «должен был убедить самодержавца в том, что, заботясь о своей личной безопасности и прочности государства, он должен или изменить политику, или сломить сопротивление писпровергателей». ²⁴

Характеризуя реакцию Александра I на первое предупреждение о существовании тайных обществ, А. Мак-Коннел повторяет то, что писал в свое время представлявший официально-охранительное направление в русской историографии Н. К. Шильдер: «... Александр не решился ни реформировать свою политику, ни обрушиться с репрессиями на потенциальных мятежников. Он сказал Васильчикову: „Вы, который находитесь на моей службе с начала моего царствования, вы знаете, что я разделял и поощрял эти иллюзии и заблуждения. Не мне карать их“». ²⁵ Далее опять-таки следуя за Н. К. Шильдером, он превозносит мнимое благородство Александра I, не принявшего действительных мер для пресечения деятельности тайных обществ. «Ни здравый смысл, ни даже инстинкт самосохранения, — пишет А. Мак-Коннел, — не побудили его подвергнуть преследованию тех, кто придерживался идеалов его юности». Мак-Коннел приводит доклад А. Х. Бенкендорфа, в котором Мак-Коннел усмотрел второе предупреждение императору о деятельности внутренней оппозиции и затем добавляет: «Александр не действовал. И это несмотря на тот факт, что, как показал доклад, тайные общества опутали даже Генеральный Штаб». ²⁶ Александр I не реагировал должным образом, по мнению А. Мак-Коннела, и на донос И. В. Шервуда. ²⁷ «Единственной реакцией Александра на донос было то, что он поручил Шервуду продолжать наблюдение за тайным обществом

²² McConnell A. Tsar Alexander I, p. 75.

²³ Ibid., p. 79.

²⁴ Ibid., p. 165.

²⁵ Ibid. Ср.: Шильдер Н. К. Император Александр Первый. Его жизнь и царствование, т. IV. СПб., 1898, с. 204.

²⁶ McConnell A. Tsar Alexander I, p. 166.

²⁷ Ibid., p. 178—179.

и направить следующий доклад через специального курьера в декабре».²⁸

В полном соответствии с Н. К. Шильдером излагает А. Мак-Коннел и отношение Александра I к «еще одному сообщению после Шервуда», имея в виду, по всей вероятности, доклад графа И. О. Витта, основанный на доносе помещика А. К. Бошняка.²⁹ В книге А. Мак-Коннела перед читателем предстает полный противоречивых переживаний император, на протяжении всего царствования колебавшийся между попытками осуществления реформы и реакционными мероприятиями. Эпизод с отказом покарать членов тайных обществ представляет своего рода кульминационную точку этих колебаний и метаний. А. Мак-Коннел при этом проходит мимо того, что в действительности Александр I вовсе не отнесся к деятельности тайных обществ безразлично, на что со всей определенностью указали советские историки. Записка Бенкендорфа «О тайных обществах в России», в основе которой лежал донос входившего в Союз благодетельства М. К. Грибовского, представленная вскоре после роспуска этой организации, хотя и содержала соображения о возможности возникновения нового тайного общества, не придавала все же ему серьезного значения. К тому же в упомянутой записке высказывалась твердая уверенность в том, что в массе своей «дворянство по одной уже привязанности к личным своим выгодам никогда не станет поддерживать какой-либо переворот, о низших же сословиях и говорить нечего».

Наибольшую опасность с точки зрения возникновения нового заговора автор записки видел в армии. Александр I, который после доклада Бенкендорфа получил сведения о прекратившей существование организации, отнюдь не мог еще составить себе ясного представления о возможности возникновения и развития деятельности новых тайных обществ. К такой возможности он никак не был безучастен, как это представляли Н. К. Шильдер и другие дореволюционные историки, а вслед за ними повторил А. Мак-Коннел. Это подтверждается тем, что после того, как записка Бенкендорфа попала в руки Александра I, офицеры, названные в ней наиболее деятельными участниками тайных обществ, были уволены в отставку. Так, в октябре 1821 г. поступили с А. Ф. Бриггеном, который в докладе числился в числе тех, кого «никогда не должно упускать из виду». Вынужден был уйти в отставку генерал-майор М. А. Фонвизин. Полковник П. Х. Граббе был не только отстранен от командования полком, но и отправлен на жительство в Ярославль без права посещать столицы. Несколько позднее после длительной ссылки был отстранен от командования дивизией М. Ф. Орлов.³⁰

²⁸ Ibid., p. 179.

²⁹ Ibid., p. 184.

³⁰ См.: Окунь С. В. История СССР. 1796—1825. Л., 1947, с. 396—398; Нечкина М. В. Движение декабристов, т. I. М., 1955, с. 348—352; Бо-

Нельзя согласиться с тем, как А. Мак-Коннел изображает реакцию Александра I на донос И. В. Шервуда. Читатель, не знакомый с содержанием доноса, а именно в руки таких людей прежде всего попадает книга Мак-Коннела, действительно будет поражен тем, что Александр I, лишь «попросил Шервуда продолжать наблюдения за тайными обществами и послать следующий доклад через специального курьера в декабре». Но что еще можно было предпринять после первого свидания с Шервудом в июле 1825 г.? Ведь из сообщения Шервуда вытекало только, что в Южной армии существует тайное общество и известен лишь один из его участников — Вадковский, игравший явно второстепенную роль. Вполне естественно, что Александр I принял предложенный ему Шервудом план выяснения масштабов деятельности общества и состава его членов. Шервуд после того сумел вновь встретиться с Ф. Ф. Вадковским, узнать имена ряда членов Южного общества и некоторые сведения о наличии тайного общества в Петербурге. Оплошность Аракчеева, повергнутого в смятение убийством его любовницы Настасьи Минкиной и забывшего послать курьера, который должен был привезти императору пакет Шервуда, задержала его доставку. Только 11 октября Александр I передал начальнику Штаба И. И. Дибичу письмо Шервуда для принятия дальнейших мер. 18 ноября Шервуд отправил третье свое донесение, в котором были уже названы П. И. Пестель, Юшневский и другие члены Южного общества. Но письмо Шервуда от 18 ноября не застало Александра I в живых. Дополнительное же сообщение Шервуда, в котором в частности были сведения о С. И. Муравьеве-Апостоле и С. П. Трубецком, составлено было в начале декабря, то есть после смерти Александра I.

Аналогичным образом обстояло дело и с сообщениями графа Витта, который с помощью Бошняка, начавшего свою провокаторскую деятельность в апреле, лишь в октябре смог представить сведения о Каменской управе и назвать имена С. И. Муравьева-Апостола, М. П. Бестужева-Рюмина, П. И. Пестеля и других. Витт также получил указание продолжать наблюдение. Что же касается полученного Дибичем наиболее ценного по полноте сведений доноса капитана А. И. Майбороды, то он был написан 25 ноября, то есть почти неделю спустя после смерти Александра I.³¹ Зато теперь действия властей были определены и решительны. Уже 13 декабря Пестель был арестован. Вряд ли арест Пестеля и другие меры, направленные против членов тайных обществ, не были бы осуществлены, если бы не внезапная кончина императора. Скорее всего, наоборот, известие о смерти Александра I отвлекло внимание военных властей и задержало на не-

ровой С. Я. Орлов М. Ф. и его литературное наследие. — В кн.: Орлов М. Ф. Капитуляция Парижа. Политические сочинения. Письма. М., 1963, с. 297—298.

³¹ См.: Окунь С. Б. История СССР. 1796—1825, с. 477—479.

которое время начало решительной борьбы с тайными обществами. Все сказанное выше установлено советскими историками, давно опровергшими бытовавшую в дореволюционной русской литературе легенду о психологической загадке, согласно которой Александр I, располагая всеми сведениями о деятельности тайных обществ, ничего против них не хотел предпринимать, легенде, которой отдал дань и А. Мак-Коннел, не только ее повторивший, но отведший ей одно из центральных мест в своей книге.

Веря в «доброту» Александра I, А. Мак-Коннел своеобразно подошел и к объяснению легенды, связанной с его кончиной. А. Мак-Коннел критически отнесся к легенде, согласно которой Александр I, мучимый угрызениями совести, ипсценировал собственную смерть в Таганроге, а сам продолжал жить, скрывая настоящее имя, и наконец появился в Сибири под видом старца Федора Кузьмича. Вместе с тем, по мнению А. Мак-Коннела, легенда о Федоре Кузьмиче служит доказательством того, будто в широких слоях народа Александр I пользовался популярностью. «Живучесть легенды, — пишет он, — свидетельствует о легковерности и великодушии народа, а может быть, о живучести древнего религиозного верования, согласно которому самопожертвование праведного человека во имя любви к своим собратьям может искупить вину земной власти». А. Мак-Коннел усматривает причину «живучести» легенды в популярности царя. «Несмотря на сохранение Александром I крепостничества, несмотря на военные поселения, несмотря на иностранную политику, противоречившую национальным интересам, его считали добрым царем», — пишет А. Мак-Коннел. По его мнению, «народ считал, что в мае 1814 г. Священный Синод, Государственный совет и Сенат справедливо провозгласили Александра I Благословенным».³²

Попытка А. Мак-Коннела представить легенду о старце Федоре Кузьмиче как Александре I для подтверждения доброго отношения народа к памяти этого царя представляется нам бездоказательной. В разнообразных слухах, распространявшихся вскоре после смерти Александра I, отнюдь не чувствуется стремления к его идеализации. Подобного намерения не находили в них даже дореволюционные русские историки, склонные к тому, чтобы показать доброе отношение народа к царю. Н. К. Шильдер пишет, что «самые нелепые толки и слухи зарождались и распространялись тогда при полнейшей безгласности, благоприятствовавшей их развитию среди невежественных народных масс».³³ При этом он отмечает, что «в рассказах, записанных Федоровым, одна любопытная черта того времени — это народный протест против кре-

³² Mc Connell A. Tsar Alexander I, p. 186.

³³ Шильдер Н. К. Император Александр I, с. 445.

постного права».³⁴ Никаких упоминаний о наличии в этих слухах доброго отношения к царю со стороны простого народа в книге Шильдера нет. Сама легенда о Федоре Кузьмиче возникла лишь во второй половине XIX в. К тому же версия о том, что Федор Кузьмич — это скрывавшийся под чужим именем Александр I, получила распространение в среде купечества, духовенства, аристократии, но отнюдь не в среде трудового народа.³⁵

Книга А. Мак-Коннела, посвященная прежде всего самому Александру I, содержит и характеристику тех общественно-политических настроений, которые представляли собой идеологическое обоснование политики русского самодержавия. При этом А. Мак-Коннел отрывает общественно-политические события от социально-экономического развития страны. Более того, деятельность Александра I, его поступки, в частности его поворот в сторону реакции, А. Мак-Коннел старается объяснить лишь психологическими причинами. Тем самым он затушевывает классовую природу русского самодержавия, выражавшего интересы русских помещиков и угнетавшего трудящееся население, в особенности крепостное крестьянство.

Более широкое представление об общественно-политической жизни России первых трех десятилетий XIX в. дает в своей книге «Третье сердце» американский историк Петр Христов.³⁶ Эта книга является своего рода прологом к обширному исследованию, посвященному славянофильству и его истокам, в котором центральное место отведено П. В. Киреевскому, его жизни и деятельности. П. В. Киреевский — видная фигура среди ранних славянофилов. Вместе с тем изучение его философских, литературных,

³⁴ Н. К. Шильдер имеет в виду слухи «числом 51», записанные дворяном человеком Федором Федоровым и озаглавленные «Московские новости или новые правдивые и ложные слухи, которые позднее виднее означутся, которые правдивые, а которые лживые, а теперь утверждать ни одних не могу, но решился на досуге описать для дальнего времени незабвенного именно 1825 года, с декабря 25-го дня», хранившиеся в канцелярии военного министерства (Н. К. Шильдер. Император Александр I, с. 490).

³⁵ См.: Сказание о жизни и подвигах великого раба божия старца Федора Кузьмича, подвизавшегося в пределах Томской губ. с 1837 по 1864 год. СПб., 1891; 3-е изд. М., 1894. Заметим, кстати, что когда в конце 60-х гг. уже нашего века легенда о Федоре Кузьмиче вновь стала предметом дискуссии, на этот раз на страницах газеты «Неделя» и журнала «Вопросы истории», то все аргументы в пользу того, что Федор Кузьмич на самом деле — Александр I, опирались на предания, сохранившиеся в семьях высокопоставленных лиц (см.: Любимов Л. Д. Тайна старца Федора Кузьмича. — Вопросы истории, 1966, № 1, с. 209—215). Напомним, что попытка Л. Д. Любимова вновь придать правдоподобность легенде о Федоре Кузьмиче была весьма убедительно опровергнута его оппонентами (см.: Окунь С. Б., Беляничков Н. Н. Существует ли «тайна Федора Кузьмича»? — Вопросы истории, 1967, № 1, с. 191—201).

³⁶ Christoff P. K. The third heart. Some intellectualideological currents and cross currents in Russia 1800—1830. Hague—Paris, 1970.

общественно-политических взглядов представляет собой немалую трудность, поскольку, посвятив себя изучению русского фольклора, он не оставил после себя сочинений на философские, политические темы. Однако именно П. В. Киреевский, крупнейший знаток фольклора, особенно интересуется Христовым, поскольку в его занятиях он видит настойчивые поиски понимания термина «народность», столь занимавшего многих русских публицистов, ученых, литераторов начала XIX в. Задумав работу, которая помогла бы показать истоки идей, принятых П. В. Киреевским и его единомышленниками, Христов написал книгу, посвященную русским общественно-политическим и литературным течениям первой трети XIX в.

В духовной жизни русского общества преддекабрьской поры П. Христовым особенно интересовали «корни народности», поиски которых велись сначала в области фольклора, затем в поэзии, музыке, философии и особенно в философии истории. Наконец, славянофилы стали искать народность в религии, науке, особенностях социально-политического строя России. П. Христов отмечает, что слово «народность» понималось очень широко и получало самое различное толкование. Он приводит многочисленные примеры того, как по-разному понимали этот термин П. А. Вяземский, считавший его выражением национального духа, А. С. Шишков, отстаивавший церковно-славянский язык и выступавший против заимствования иностранных, прежде всего французских слов, К. Н. Батюшков, споривший с Шишковым и искавший народность в языке народном, а не в церковно-славянском. Христов пишет о А. С. Пушкине, о кружке А. С. Грибоедова, П. А. Катенина, В. К. Кюхельбекера, с которым Пушкин сблизился, о А. Ф. Воейкове, искавшем народность «в религиозности русских людей». Рассматривая споры между классицизмом и романтизмом, выступления ученых и публицистов, занятых поисками народности, П. Христов выделяет мнение П. В. Киреевского, считавшего, что эти искания представляли собой формирование «национального самосознания». По мнению Христовым, «поколение декабристов, подобно последующим поколениям, черпало в национальном самосознании (не без идеализации прошлого) вдохновение в борьбе за свободу на родине и освобождение от влияния западной культуры».³⁷

П. Христов отмечает особенности социально-экономического развития России в этот период. Он пишет о крепостном праве, за уничтожение которого выступали передовые представители русского общества, предпринявшие в 1825 г. попытку вооруженным путем добиться изменения существовавшего порядка вещей. Заслуживает внимания мысль Христовым, что общей целью поколения декабристов был и поиск всего уникально русского, и уничтожение крепостничества и самодержавного гнета, и призыв к са-

³⁷ Christoff P. K. Op. cit., p. 26.

мопознанию, реализации скрытых национальных сил, достижению Россией достойного положения среди других наций.³⁸ Он полагает, что декабристы учитывали сравнительно раннее исчезновение крепостных порядков в Европе и полагали, что освобождение крестьян послужит и в России первым шагом на пути установления свободы и преобразования общества. П. Христов указывает, что вопрос об освобождении крестьян стал стержнем декабристской программы, что наряду с идеями западноевропейских просветителей ответ на многие из стоявших перед ними вопросов был подсказан декабристам условиями и практикой русской жизни. Он отмечает также симпатии декабристов к общине и таким формам общественного устройства, как древнерусское вече, нашедшее наиболее яркое выражение в Новгородской республике.³⁹

Тем не менее не декабристы — предмет главного внимания П. Христова, да и в движении декабристов (понимаемом им весьма широко) его внимание привлекают не члены тайных обществ, а личности вроде князя П. А. Вяземского. Гораздо больший интерес проявляет П. Христов к кругам, так или иначе искавшим ответ на вопрос, что такое русская народность, что такое русское самосознание. Автор, конечно, вправе изучать любые заинтересовавшие его сюжеты, но дело в другом. Для Христова несомненно, что «идеи, идеология — главный фактор в истории и отдельной личности и общества».⁴⁰ В связи с этим определяющее значение для формирования важнейших направлений русской общественно-политической мысли начала XIX в., в его представлении, имело распространение идей романтизма. Он полагает, что «романтизм пришел в Россию как литературно-критическое направление мысли... и неизбежно трансформировался в средство идеологии, стал импульсом, породившим декабристское движение, но воздействие романтизма не ограничивалось влиянием на какую-то единственную группу, а продолжалось и после декабристов».⁴¹ Распространение романтизма в России, прежде всего в русской литературе начала XIX в. — безусловно заметное явление в духовной жизни. Но П. Христов не прав, когда отводит ему чуть ли не первостепенное место, якобы определившее все развитие общественных идей этого времени.

Среди различных проблем, стоявших перед русским обществом, П. Христова интересуют в первую очередь поиски национального самосознания и связанного с этим определения понятия «народность». Он полагает, что «не было более важных проявлений в интеллектуально-идеологической жизни России в начале

³⁸ Khristoff P. K. Op. cit., p. 39.

³⁹ Ibid., p. 79—86.

⁴⁰ Ibid., p. 18.

⁴¹ Ibid., p. 47.

XIX столетия, чем рост русского индивидуального и национального самосознания». При этом, считает автор «Третьего сердца», «много дорог и обстоятельств вели к этому росту, но из всех положительных источников ни один не появился раньше, и ни один не действовал дольше, чем русский фольклор». ⁴² Именно в этой связи наибольший интерес среди других славянофилов вызывает у П. Христова П. В. Киреевский; запявшись изучением русского фольклора, Киреевский сумел нащупать наиболее правильный путь истинного содержания понятия «народность». Наряду с этим П. Христов знакомит читателя с другими попытками определить русское самосознание, предпринимавшимися в самых различных кругах русского общества. Он обращается к А. С. Шишкову, по отношению к которому впервые был употреблен термин «славянофил», касается увлечения русской аристократии масонскими ложами и распространения мистицизма в правящих кругах, пишет о деятельности Библейского общества и Общества Любомудрия, о пропикновении в Россию иезуитов и т. п.

Причины неудачи восстания декабристов П. Христов видит в том, что его организаторы и участники были оторваны от народа. Декабристы, по его мнению, «отказались от идеологического обоснования доводов за и против революции», вынуждены были действовать под влиянием известия о смерти Александра I и, потерпев неудачу, оставили после себя «лишь неопределенное идеологическое наследство». Крайнее несоответствие идеологического наследия декабристов требованиям жизни П. Христов рассматривает как главную причину того, что они оказались в «изоляции от простого народа, которому они пытались служить». В движении декабристов он видит заговор, участники которого из-за отсутствия у них отчетливой идеологии не сумели установить контакт с народом. «Очевидно, — заключает П. Христов, — революция, опиравшаяся на такую социально-экономическую группу, как русское крестьянство, имела бы больше шансов для успеха в 1825 г., чем заговор». ⁴³ «Без хорошо сформулированной идеологии. — пишет он, — не могло быть эффективного революционного движения».

Правильно отметив оторванность декабристов, дворянских революционеров от народных масс, П. Христов явно упрощает этот вопрос, сводя все к отсутствию у декабристов отчетливой идеологической программы. Разрыв между дворянскими революционерами, руководителями и участниками восстания 14 декабря, и народом был обусловлен более сложными социально-экономическими явлениями, касавшимися как крестьянства, так и передовой части дворянства, и не ограничивался лишь отсутствием идеологической связи руководителей движения с народом. К тому же не следует недооценивать и вклад декабристов в развитие русской философской мысли. Достаточно сказать, что при всей пе-

⁴² Ibid., p. 19.

⁴³ Ibid., p. 16.

строте философских воззрений декабристов в них отчетливо выступала материалистическая традиция. И. Д. Якушкин, В. Ф. Раевский, П. И. Борисов, А. П. Барятинский и некоторые другие декабристы, отстаивая материалистические позиции в философии, в частности пропагандируя мысль о том, что основу мироздания составляют мельчайшие материальные частицы, утверждая способность человеческого разума познать тайны природы, критикуя религиозные догмы, способствовали формированию материалистического направления в русской философской мысли. Идеалистические по своей природе воззрения декабристов на общественное развитие содержали передовые для начала XIX в. положения, например, отдельные высказывания о наличии борьбы между сословиями и классами. Вкладом в развитие передового направления в русской общественно-политической мысли были и выдвигавшиеся левым крылом декабристов идеи республиканизма.

П. Христов оставляет в стороне глубокие социально-экономические процессы в истории России, но не только в этом недостаток его сочинения. Выдвигая на первый план такие сюжеты, как эволюция понятия «народности» в русском обществе начала XIX в., Христов вольно или невольно затушевывает значение левого радикального республиканского направления в декабризме, а «декабристам без декабря» придает непомерно большое значение в идеологии декабризма. Поиски самосознания, споры о содержании понятия «народность» он представляет главным содержанием декабристской мысли. Подобная трактовка идейной жизни в России в первой четверти XIX в. позволяет П. Христову представить П. В. Киреевского чуть ли не идейным наследником декабристов и тем самым изобразить и славянофильство продолжателем идейных исканий декабристов. Эта мысль проводится ненавязчиво, но тем не менее в конечном результате от декабристов путь прокладывается через Общество Любомудрия к П. В. Киреевскому, а от него к славянофильству в целом. П. Христов пишет, что В. Ф. Одоевский был двоюродным братом декабриста А. И. Одоевского и вместе с декабристом В. К. Кюхельбекером издавал альманах «Мнемозина», к которому К. Ф. Рылеев относился с одобрением. П. Христов предполагает, что А. И. Одоевский и В. К. Кюхельбекер делали попытки привлечь В. Ф. Одоевского к участию в Тайном обществе, и хотя он в него и не вступил, у правительства было достаточно оснований, чтобы после 14 декабря заинтересоваться Обществом Любомудрия. Напоминает он и о связях Кошелева с декабристами. П. Христов отмечает, что хотя нет известий о существовании прямых связей между П. В. Киреевским и декабристами, но его участие в Обществе Любомудрия не только отразилось на его карьере, но и определило стойкую антипатию Николая I к славянофильству.

Таким путем намечается цепочка от В. К. Кюхельбекера и А. И. Одоевского к В. Ф. Одоевскому и от декабристов к Обществу Любомудрия, от Общества Любомудрия и П. В. Киреевского

к славянофильству. П. Христов считает, что «кратковременное существование Общества Любомудрия имело важное значение для П. В. Киреевского, может быть, даже оказало решающее воздействие на его позднюю идеологическую ориентацию, а через него на московское славянофильство».⁴⁴ Подробное обоснование этого положения Христов собирается дать уже в новой книге, специально посвященной П. В. Киреевскому. Однако уже на основании книги «Третье сердце» можно довольно ясно представить, что в схеме, предложенной Христовым, на первое место выступают идейные течения, занятые прежде всего поисками корней «народности», течения, консервативные по своему содержанию. Этим течениям, и в первую очередь славянофильству, приписывается роль главной движущей силы в развитии общества, в особенности идейной жизни, именно они якобы выступали в качестве хранителей культурных ценностей. Отдавая дань связям русской культуры и русского общества с культурой Запада, с общечеловеческими культурными ценностями, П. Христов вместе с тем ведущей силой в истории России в целом, в истории ее духовной жизни и культуры признает направления, отмеченные националистической окраской. П. Христов не делает попытки выяснить социально-экономическую природу идейных течений, и в первую очередь славянофильства. Он принижает значение революционной традиции в русской общественной мысли, сыгравшей в действительности решающую роль в расцвете русской культуры XIX в., добившейся выдающихся достижений вопреки крайне неблагоприятным условиям самодержавного строя, выросшей и окрепшей в борьбе с самодержавием и крепостничеством.

Трактуя в тенденциозном свете историю духовной жизни России, П. Христов все-таки дает какую-то картину, наполненную известным содержанием. Что же касается Р. Пайпса, то его страсть к конструкциям, построенным на отвлеченных понятиях, приводит к тому, что отдельные явления, притом весьма значительные, оказываются у него либо вовсе лишены собственного содержания, либо подогнанными под какие-то общие понятия, стирающие их индивидуальные черты. Так, в схеме Р. Пайпса не находится самостоятельного места для такого значительного явления в консервативном направлении русской общественно-политической мысли, каким было славянофильство. И. С. Аксаков и Ю. Ф. Самарин оказываются у него представителями «интеллигентского» консерватизма. К какому направлению он относит К. С. Аксакова, П. В. и И. В. Киреевских, А. С. Хомякова, остается неясным. Не дает он отчетливой характеристики и теории официальной народности. В этом отношении он проигрывает рядом с П. Христовым и явно делает шаг назад по сравнению с другим американским историком Н. Рязановским, чьи работы, вышедшие в 50—60-е гг. и посвященные реакционным и консер-

⁴⁴ Ibid., p. 54—56.

вативным направлениям в общественно-политической жизни России, при всей их тенденциозности все же содержат значительный фактический материал и по некоторым вопросам дают известное представление о рассматриваемом предмете. Здесь мы имеем в виду прежде всего книгу Н. Рязановского, посвященную теории официальной народности как системе идеологических взглядов, теории, сформулированной в царствование Николая I и длительное время являвшейся своего рода идеологической платформой русского самодержавия,⁴⁵ то есть того политического строя, который Р. Пайпс называет «авторитарным». Названная выше книга Н. Рязановского перекликается с другим, более ранним его сочинением, в котором рассматривается русское славянофильство, и в первую очередь его идейно-политическое содержание.⁴⁶

Н. Рязановский находит главное теоретическое и идеологическое обоснование самодержавного строя в выступлениях сторонников теории официальной народности, в то время как Р. Пайпс предлагает новое понятие «интеллигентского консерватизма» и считает последний защитником «авторитарного» режима чуть ли не со второй четверти, и уж во всяком случае во второй половине XIX в. Н. Рязановский же полагает, и это его положение в основных своих чертах соответствует действительности, что теория официальной народности в качестве идеологии русского самодержавия просуществовала вплоть до 1917 г., когда царизм погиб в огне революции. Вместе с тем сам Н. Рязановский оставляет без внимания то обстоятельство, что несостоятельность теории официальной народности стала очевидной уже в первые годы ее существования.

К концу царствования Николая I против основных положений этой теории выступали не только представители передовых общественно-политических направлений, но и сами охранители, в том числе один из столпов ее М. П. Погодин, объективно признававший несостоятельность важнейших принципов доктрины. Это нашло отражение прежде всего в написанных М. П. Погодиным «Историко-политических письмах». Находясь под впечатлением поражения в Крымской войне, будучи напуган угрозой крестьянских волнений, сознавая кризисное положение, сложившееся в государстве, М. П. Погодин приходит к заключению, что «теория

⁴⁵ Riasanovsky N. V. *Nicholas I and Official Nationality in Russia, 1825—1855*. Berkeley—Los Angeles, 1967. Б. И. Марушкин в исследовании, специально посвященном американской историографии истории СССР, указывает, что в целом Н. Рязановский выступает в ряду американских советологов-антикоммунистов. В написанном им общем курсе «A History of Russia» (New York, 1963), а также в статьях, посвященных «евразийской проблеме», антикоммунистические тенденции выступают более открыто и отчетливо, чем в его монографиях (см.: Марушкин Б. И. *История и политика. Американская буржуазная историография советского общества*. М., 1969, с. 93, 97, 110, 111, 162, 304).

⁴⁶ Riasanovsky N. V. *Russia and the West in the teaching of the slavophiles. A study of romantic ideology*. Cambridge (Mass.), 1952.

официальной народности», возникшая как противоядие против декабристских идей, как средство борьбы против революционных настроений, идущих из Западной Европы, не отвечает поставленной перед ней цели. Утверждая, что Россия в своем историческом развитии идет по совершенно иному пути, чем западноевропейские страны, М. П. Погодин приходит к выводу, что в России невозможна революция, подобная французской. По его словам, «Мирабо для нас не страшен, но для нас страшен Емелька Пугачев». «Ледрю-Роллен со всеми коммунистами не найдут у нас себе приверженцев, а перед Никитой Пустосвятом разинет рот любая деревня. На сторону к Маццини не перешатнется никто, а Стенька Разин лишь кликнет клич! Вот где кроется наша революция, вот откуда грозят нам опасности, вот с какой стороны стена наша представляет проломы, — перестаньте же возиться около западной, почти совершенно твердой, и принимайтесь чинить восточную, которая почти без присмотра валится и грозит падением»,⁴⁷ — восклицает М. П. Погодин.

В этих отчаянных призывах одного из главных столпов охранительства и защитников теории официальной народности практически содержится признание того, что понятие «народность» в ее охранительном толковании в сущности лишено содержания. Признавая реальной угрозой крестьянских выступлений, требуя от правительства посмотреть в глаза правде и не тешить себя иллюзиями, будто крестьянство составляет надежную опору самодержавия, М. П. Погодин оставляет в арсенале охранителей лишь самодержавие и православие, а «народность» практически исключает.

Утверждая, что славянофилы были «безусловно против крепостного права, ибо оно несовместимо с их религией, философией, точкой зрения на Россию и русский народ»,⁴⁸ Н. Рязановский неточно характеризует подлинную позицию славянофильских лидеров по этому важнейшему общественно-политическому вопросу. Касаясь роли, которую играли видные представители славянофильства в проведении реформы, он выдвигает на первый план фигуру Ю. Ф. Самарина,⁴⁹ действительно принявшего большое участие в этом деле, но глухо говорит о таком весьма немаловажном обстоятельстве, как отрицательное отношение к освобождению крестьян другого видного славянофила, И. В. Киреевского,⁵⁰ заметив лишь, что тот был против намерения сестры освободить своих крепостных. Н. Рязановский не упоминает о том, что в 40-е гг. XIX в. среди славянофилов не было единства в подходе к вопросу о необходимости реформы. Н. Рязановский не показывает, что славянофилы в целом стали сторонниками отмены

⁴⁷ Погодин М. П. Историко-политические письма и записки в продолжение Крымской войны. М., 1874, с. 250.

⁴⁸ Riasanovsky N. V. Russia and the West..., p. 136.

⁴⁹ Ibid., p. 138.

⁵⁰ Ibid., p. 45.

крепостного права тогда, когда среди противников реформы остались самые отчаянные реакционеры. Славянофилы, как уже упоминалось выше, постепенно пришли к выводу о необходимости ломки старых крепостных порядков, но на этот шаг они пошли только ради предотвращения революционных преобразований. Вся система их философских и политических взглядов была подчинена идее сохранения монархии, а их требование предоставить известную свободу слова и печати распространялось на крестьянство. Таким образом, на позиции славянофилов в вопросе о крестьянской реформе лежала печать непоследовательности и классовой ограниченности, чего не показал в своей книге Н. Рязановский.

Н. Рязановский остаивается на исторических сочинениях К. С. Аксакова. Характеризуя взгляды К. С. Аксакова на русскую историю, он отмечает предложенное им деление истории России на Московский и Петербургский периоды, подчеркивает противопоставление Москвы Петербургу, который в глазах славянофилов олицетворял «формализм, материализм, рационализм», отмечает отрицательное отношение славянофильских авторов к реформам и вообще к деятельности Петра I.⁵¹ Но Н. Рязановский не дает критического разбора славянофильской концепции исторического развития России. Он не показывает, что в трактовке славянофилов история России была лишена внутреннего единства и не представляла собою объективно развивающегося процесса. Не говорит Н. Рязановский и о том, что славянофилы не способны были сами по себе создать конкретную картину исторического развития России. Весьма характерно, что важнейшие положения их концепции содержались в написанных К. С. Аксаковым рецензиях на вышедшие в свет тома «Истории с древнейших времен» С. М. Соловьева. Лишь имея перед собою тома упомянутой «Истории России...», К. С. Аксаков в процессе их критического разбора изложил свои построения. Не отмечает Н. Рязановский и того примечательного обстоятельства, что не все рецензии К. С. Аксакова на тома «Истории России» С. М. Соловьева были им закончены и опубликованы при жизни. Некоторые из этих рецензий увидели свет лишь в посмертном издании сочинений К. С. Аксакова и по этой причине в значительной мере представляли только историографический интерес. Отмеченные выше особенности исторической концепции славянофилов в изложении Н. Рязановского — свидетельство того, что автор затушевывает слабые стороны исторических построений славянофилов, их реакционный характер.

Характеристика, данная Р. Пайпсом общественно-политической жизни России 60—70-х гг. XIX в., страдает и противоречивостью, и явным искажением действительного положения дел. Р. Пайпс связывает изменения, произошедшие в России в конце 50-х—на-

⁵¹ Riasanosky N. V. *Russia and the West...*, p. 79.

чале 60-х гг. XIX в. (он оценивает их как «новую ситуацию, совершенно отличную от той, что господствовала с середины XVII в.»), со вступлением на престол Александра II.⁵² Однако Александр II в начале своего царствования склонен был продолжать крепостническую политику Николая I. Лишь под впечатлением крестьянского движения, принявшего накануне «освобождения» все более угрожающий характер, и под влиянием антикрепостнической волны, поднявшейся еще при жизни Николая I, особенно после поражения в Крымской войне, Александр II признал необходимым отменить крепостное право сверху, дабы избежать его свержения снизу. Кризис николаевской России, с особенной остротой проявившийся на фоне военных неудач, показал, что антифеодальные, направленные против самодержавия революционные идеи, несмотря на все преследования, продолжали жить. А. И. Герцен вспоминал, что до Крымской войны «никто не подозревал внутренней работы России», а между тем «мысли, посеянные 14 декабря, зрели, разъедали грудь и подтачивали незаметно дубовые ворота николаевского острога»... «Прежде чем кончилась эта работа, стены его треснули. Их пробил ядра союзников».⁵³ Н. П. Огарев писал: «Россия, униженная, скованная, ограбленная полицейским управлением, оказалась негодною даже для войны; надо же покончить это положение вещей, надо много перемен — а с чего пачать? ... Кроме освобождения крестьян, не с чего, тут корень всего».⁵⁴

С крестьянской реформы и вынуждено было начать преобразование правительство Александра II. Однако крепостники не складывали оружия. Хотя Р. Пайпс и считает, что «отмена крепостного права разрушила экономический фундамент власти и привилегий дворянства, лишила содержания систему диархии», влияние помещичьего дворянства на политическую жизнь оставалось достаточно сильным. Реформы 60-х—начала 70-х гг. XIX в., в результате которых, как отмечает Р. Пайпс, «значительно уменьшилось сословное неравенство, а горожане были привлечены к участию в местном самоуправлении и судебной деятельности», отнюдь не являлись результатом «серьезной попытки правительства сплотить русский народ».⁵⁵ Уступая сторонникам реформ, Александр II постепенно предпринимал попытки отсрочить либо ограничить их проведение в жизнь. В этом он получает поддержку консервативных кругов правящей верхушки, которые весьма усиливаются сразу же после 19 февраля 1861 г. Именно в это время устраняется от дел один из наиболее видных сторонников реформ Н. А. Милютин, который характеризует это время как «реакцию» и говорит, что «хотят законопатить все щели, через

⁵² Пайпс Р. Русский консерватизм... , с. 3.

⁵³ Герцен А. И. Собр. соч. в 30-ти т.т., XIII. М., 1958, с. 399.

⁵⁴ Огарев Н. П. Избранные социально-политические и философские произведения, т. I. М., 1952, с. 663.

⁵⁵ Пайпс Р. Русский консерватизм... , с. 4.

которые проходит свежий воздух в высшие сферы». ⁵⁶ Действительно, как замечает Р. Пайпс, «разгораются жаркие обсуждения будущего России», но с ним никак нельзя согласиться в том, что эти дискуссии происходят «с молчаливого согласия правительства». Достаточно напомнить, как расправилось правительство Александра II с Н. Г. Чернышевским, какая судьба постигла Д. И. Писарева, каким преследованиям подвергались не только революционные, но и умеренно оппозиционные органы печати, наконец, «белый террор», последовавший в ответ на выстрел Д. В. Каракозова.

Не прав Р. Пайпс и в том случае, когда полагает, что развернувшиеся в пореформенную пору дебаты «не касались закоренных экономических и социальных интересов по той хотя бы причине, что поборники всех трех главных направлений (консервативного, либерального и радикального) принадлежали к одному и тому же классу дворянства при незначительной примеси разночинцев». ⁵⁷ Вызывает удивление стремление Р. Пайпса преуменьшить степень участия разночинцев в развитии русской общественно-политической жизни 60-х—70-х гг. XIX в. Ведь уже с 40-х гг. XIX в. разночинец становится заметной, а в 60-е гг. XIX в. и главной фигурой в русском революционном движении. Разночинцы составляют большинство демократического лагеря. Они появляются и среди либерально настроенных элементов. Этот непреложный факт до Р. Пайпса не приходило никому в голову подвергать сомнению. Кстати сказать, «нигилист», о котором пишет Р. Пайпс несколькими строками ниже — не кто иной, как разночинец, и именно потому, что нигилист-разночинец стал массовым явлением, призрак его так напугал идеологов реакции. Неверно и утверждение Р. Пайпса, что в разгоревшихся спорах экономические и социальные проблемы не затрагивались. Именно они стояли в центре внимания всех слоев общества. Сам же Р. Пайпс пишет, что «поборники всех трех течений, в том числе консерваторы, отвергают status quo; ни одно из политических течений не заинтересовано в status quo, каждое стремится изменить его на собственный лад». При этом прежде всего обсуждаются вопросы экономического и политического развития. Признание необходимости кое-каких изменений в экономическом и политическом строе страны лежит в основе проектов, рождавшихся даже в правящих кругах. Они принадлежали к тому же не только представителям «либерального» крыла царской бюрократии, готовым в умеренных рамках идти по пути реформ (таким, как Д. А. Милютин, считавшимся в крайних консервативных кругах «красными»), но и людям, принадлежавшим к правому крылу правящих сфер.

В 60-е гг. среди людей, близких к императору, возникают проекты политических преобразований, такие как проект ре-

⁵⁶ Цит. по: Джаншиев в Гр. Эпоха великих реформ. Изд. 9-е. СПб., 1905, с. 699.

⁵⁷ Пайпс Р. Русский консерватизм..., с. 4.

формы Государственного совета, предложенный министром внутренних дел П. А. Валуевым, проект политической реформы, составленный государственным секретарем С. Н. Урусовым и выдвинутый великим князем Константином Николаевичем. Эти предложения, лишь незначительно расширявшие права общественных сил в выражении своего мнения по ряду общегосударственных вопросов и сохранявшие за императором право окончательного решения всех дел, были решительно отвергнуты Александром II. В 70-х гг. была также предпринята попытка убедить Александра II в необходимости некоторых политических реформ, связанная прежде всего с именами П. А. Шувалова и князя А. И. Бярятинского.⁵⁸

Консерватизм конца 50-х гг. XIX в., т. е. консерватизм в царствование Александра II, по своей направленности был, по схеме Р. Пайпса, «интеллигентским» и антидворянским. По Пайпсу, «интеллигентский» консерватизм имел своим идеалом «не единство самодержавия и дворянства, а единство самодержавия и народа», т. е. был «националистическим», а не «космополитическим». Американский историк даже усматривает в консерватизме этой поры «демократическую ориентацию». Ко всему прочему П. Пайпс считает «интеллигентский» консерватизм идейным, а не социально-экономическим движением. Идеологами этого направления он называет И. С. Аксакова, Н. Я. Данилевского, Ф. М. Достоевского, А. А. Григорьева, М. Н. Каткова, К. Н. Леонтьева, К. Н. Победоносцева, Ю. Ф. Самарина.

Прежде всего заметим, что консерватизм 50-х—70-х гг. XIX в. по своей идеологической «окраске» отнюдь не был, вопреки утверждению П. Пайпса, однородным и тем более «интеллигентским». По-прежнему, как отмечалось выше, существовала значительная группа наименее гибких консерваторов, упорно придерживавшихся основных положений теории официальной народности в области идеологии и отстаивавших незыблемость самодержавия без каких бы то ни было уступок. Но имелась многочисленная группа консерваторов, принадлежавшая к так называемой аристократической партии, которая по своим политическим взглядам несколько отличалась от лиц, признаваемых Пайпсом теоретиками «интеллигентского» консерватизма. В числе «лордов», как называл А. С. Суворин главных деятелей аристократической партии, были такие значительные политические фигуры, как И. И. Воронцов-Дашков, П. А. Шувалов, А. И. Бярятинский. За их спиной стояли люди, занимавшиеся идеологическим обоснованием позиции аристократической партии, среди которых наиболее яркой и известной личностью был Р. А. Фадеев, близко связанный и с А. И. Бярятинским и с И. И. Воронцовым-Дашковым.

⁵⁸ Чернуха В. Г. Проблема политической реформы в правительственных кругах России в начале 70-х годов XIX в. — В кн.: Проблемы крестьянского землевладения и внутренней политики России. Л., 1972, с. 138—190.

Публицистическая деятельность Р. А. Фадеева, игравшего роль «пера» при А. И. Барятинском и И. И. Воронцове-Дашкове, позволяет проследить, что разделяло и что сближало, с одной стороны, славянофилов и тех, кого Р. Пайпс причисляет к сторонникам «интеллигентского» консерватизма, и, с другой стороны, — консерваторов из аристократического лагеря.⁵⁹ Между теми и другими в некоторых случаях возникали жаркие споры. Так, программа «лордов», изложенная в книге Р. А. Фадеева «Русское общество в настоящем и будущем. Чем нам быть?» (СПб., 1874), встретила резкие возражения со стороны Ю. Ф. Самарина (в котором сам Р. А. Фадеев надеялся встретить союзника), высмеявшего идеи, положенные в основу этой программы, как мнимо охранительные. Однако позиция Ю. Ф. Самарина отнюдь не была выражением взглядов той группы публицистов, которую Р. Пайпс считает выразителем идей «интеллигентского» консерватизма. И. С. Аксаков в письме Р. А. Фадееву относительно книги «Чем нам быть?» сообщал, что он «со многим не согласен», но одновременно признавал справедливость критических замечаний Р. А. Фадеева и «многих, даже основных положений книги».

Что касается подготовленной несколько лет спустя И. И. Воронцовым-Дашковым и Р. А. Фадеевым программы преобразований, изложенной в «Письмах о современном состоянии России» и предусматривавшей укрепление самодержавия путем развития организованного земства, усиления охранительных институтов во имя борьбы с «нигилизмом», программы, направленной против «непомерно громадного бюрократического механизма», то она нашла определенную поддержку со стороны И. С. Аксакова. Мы видим, что Ю. Ф. Самарин и И. С. Аксаков, одинаково отнесенные Р. Пайпсом к числу представителей «интеллигентского» консерватизма, по-разному оценивали идеи, изложенные в книге Р. А. Фадеева «Чем нам быть?». Что же касается «Писем о современном состоянии России», то реакция славянофильских кругов не ограничилась их одобрением со стороны И. С. Аксакова. Заметил после смерти Р. А. Фадеева его племянник С. Ю. Витте и отметил в письме А. С. Суворину, что эти «Письма» «сблизили покойного с воззрениями Хомякова, Самарина, Достоевского». «Впрочем этот кружок, — добавлял С. Ю. Витте, — несмотря на разногласия, всегда относился к нему с уважением».⁶⁰

Все это подтверждает, что консерватизм второй половины XIX в., не был, как утверждает Р. Пайпс «интеллигентским» течением, что среди представителей консервативного направления весьма влиятельную группу представляла «аристократическая партия», чьи продворянские воззрения не вызывали ни у кого сомнений и которая при всех ее внешних разногласиях, имела

⁵⁹ Пайпс Р. Русский консерватизм... с. 5.

⁶⁰ Апаньич Б. В., Ганелин Р. Ш. Р. А. Фадеев, С. Ю. Витте и идеологические искания «охранителей» в 1881—1883 гг. Исследования по социально-политической истории России. Л., 1971, с. 300—303.

очень много общего с теми, кого американский историк считает выразителями идей консерватизма «интеллигентского». Несостоятельна в свете изложенных фактов и версия Р. Пайпса о том, что «интеллигентский» консерватизм отличался антидворянской направленностью. Различие во взглядах между идеологами «интеллигентского» консерватизма и лидерами консервативно настроенной «аристократической» партии было чисто внешним. Те и другие в конечном счете стояли на одной политической платформе, выступали за сохранение в России монархии, были решительными противниками радикальных преобразований в России.

Пристальное внимание американских историков к русской монархии и российским императорам, повышенный интерес к реакционным и консервативным течениям русской общественной мысли сочетаются с попытками представить самодержавие в России как государственный институт, якобы переставший в XIX в. выражать интересы помещичьего землевладения, переставший пользоваться поддержкой дворянства и искавший для себя новой опоры взамен последнего. Соответственно русский консерватизм, идеологически обосновывавший необходимость сохранения монархии, характеризуется этими историками как течение, отличавшееся демократизмом и антидворянской направленностью. Более того, консерватизм XIX в. изображается ими как главный двигатель прогресса в духовной жизни, способствовавший подъему русской культуры. Это достигается с помощью игнорирования или искаженного толкования социально-экономической природы русской монархии и консервативных течений общественно-политической мысли в России. В действительности и в XIX в. русская монархия по-прежнему отставала в первую очередь интересы дворянского землевладения. Русский консерватизм объективно был выразителем именно этих слоев, и не он, а передовая, революционная, демократическая мысль была подлинной силой, обусловившей развитие русской культуры.